

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Бурёнушка

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них одна дочь, Марья-царевна. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишну. У Ягишны родилось две дочери: одна – двоеглазая, а другая – троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала её пасти коровушку-бурёнушку и дала ей сухую краюшку хлебца.

□Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку бурёнушке поклонилась – напилась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-бурёнушкой целый день ходит, как барыня. День прошёл, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила.

– Чем сука жива живёт? – думает Ягишна; на другой день дала Марье-царевне ту же самую краюшку и посылает с нею свою большую дочь.

– Присмотри, чем Марья-царевна питается?

□Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна:

– Дай, сестрица, я поищу у тебя в головке.

Стала искать, а сама приговаривает:

– Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!

Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла к коровушке-бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась и ходит весь день как барыня. Пришёл вечер; Марья-царевна разрядилась и говорит:

– Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдём домой.

– Охти мне! – взгоревалась сестрица. – Я весь день проспала, ничего не видела; теперь мати забранит меня!

□Пришли домой; спрашивает её мати:

– Что пила, что ела Марья-царевна?

– Я ничего не видела.

Ягишна заругалась на неё; поутру встаёт, посылает троеглазую дочь:

– Поди-ка, – говорит, – погляди, что она, сука, ест и пьёт?

Пришли девицы в чистое поле бурёнушку пасти; говорит Марья-царевна:

– Сестрица! Дай я тебе в головушке поищу.

– Поищи, сестрица, поищи, родима!

Марья-царевна стала искать да приговаривать:

– Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!

А про третий глазок позабыла; третий глазок глядит да глядит, что робит Марья-царевна. Она подбежала к бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась; стало солнышко садиться – она опять поклонилась бурёнушке, разрядилась и ну будит троеглазую:

– Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдём домой.

□Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на стол положила. Стала мати спрашивать у своей дочери:

– Что она пьёт и ест?

Троеглазая всё и рассказала. Ягишна приказывает:

– Режь, старик, коровушку-бурёнушку.

Старик зарезал; Марья-царевна просит:

– Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне.

Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила её к верее – вырос ракитов куст, на нём красуются сладкие ягодки, на нём сидят разные пташечки да поют песни царские и крестьянские.

□Прослышал Иван-царевич про Марью-царевну, пришёл к её мачехе, положил блюдо на стол:

– Которая девица нарвёт мне полно блюдо ягодок, ту за себя замуж возьму.

Ягишна послала свою большую дочь ягод брать; птички её и близко не подпускают, того и смотри – глаза выключут; послала другую дочь – и той не дали. Выпустила, наконец, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодок брать; она берёт, а мелкие пташечки вдвое да втрое на блюдо кладут; пришла, поставила на стол и царевичу поклон отдала. Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать.

□Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотелось ей отца навестить; поехала с мужем к отцу в гости. Мачеха обворотила ее гусынею, а свою большую дочь срядила Ивану-царевичу в жёны. Воротился Иван-царевич домой. Старичок-пестун^[1] встаёт поутру ранёхонько, умывается белёхонько, взял

младенца на руки и пошёл в чистое поле к кусточку. Летят гуси, летят серые.

– Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного^[2] мать видали?

– В другом стаде.

Летит другое стадо.

– Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного мать видали?

Младёного мать на землю скочила, кожух сдёрнула, другой сдёрнула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачет:

– Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послезавтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!

□Старичок пошёл домой; паренёк спит до утра без разбуду, а подменённая жена бранится, что старичок в чистое поле ходит, всего сына заморил! Поутру старичок опять встаёт ранёхонько, умывается белёхонько, идёт с ребёнком в чистое поле; и Иван-царевич встал, пошёл невидимо за старичком и забрался в куст. Летят гуси, летят серые. Старичок окликивает:

– Гуси вы мои, гуси серые! Где младёного матку видали?

– В другом стаде.

Летит другое стадо:

– Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного мать видали?

Младёного мать на землю скочила, кожу сдёрнула, другую сдёрнула, бросила на куст и стала младёного грудью кормить, стала прощаться с ним:

– Завтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!

□Отдала младенца старику.

– Что, – говорит, – смородом^[3] пахнет?

Хотела было надевать кожи, хватилась – нет ничего: Иван-царевич спалил. Захватил он Марью-царевну, она обвернулась скакухой^[4], потом ящерицей и всякой гадиной, а после всего веретёшечком^[5]. Иван-царевич переломил веретёшко надвое, пятку назад бросил, носок перед себя – стала перед ним молодая молодлица. Пошли они вместе домой. А дочь Ягишны кричит-ревёт:

– Разорительница идёт! Погубительница идёт.

Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает:

– С которой женой позволите жить?

Они сказали:

– С первой.

– Ну, господа, которая жена скорее на ворота скочит, с той и жить стану.

Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла, а Марья-царевна только чапается^[6], а вверх не лезет. Тут Иван-царевич взял своё ружьё и застрелил подменённую жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать.

---

[1] – Пестун – воспитатель ребёнка.

[2] – Младенца.

[3] – Смрадом.

[4] – Лягушкой.

[5] – Веретенном.

[6] – Цепляется.

